

Театр смелой мысли

Гастроли «Берлинского ансамбля» — театра, созданного известным немецким писателем и режиссером, антифашистом и борцом за мир Бертольдом Брехтом, — в Москве и Ленинграде представляют собой заметное и интересное явление в нашей театральной жизни.

Организованный восемь лет назад, театр Брехта завоевал широкие симпатии и горячую признательность со стороны зрителей Германской Демократической Республики. С большим успехом выступал он в Париже и Лондоне, в Польше, Австрии, Федеративной Республике Германии. И вот встречи в нашей стране, со зрителем, самым доброжелательным, но одновременно и взыскательным!

Показанные брехтовцами спектакли — «Матушка Кураж и ее дети», «Жизнь Галилея» и «Кавказский меловой круг» Брехта, «Трубы и литавры» (по комедии английского писателя Д. Фаркуара «Офицер-вербовщик») — подкупили и взволновали нас своим страстным гуманистическим звучанием, идейной содержательностью и философской глубиной, смелым новаторством, настойчивым стремлением к художественным поискам.

Театр «Берлинский ансамбль» идет в своих художественных исканиях от жизни, от потребностей нашей эпохи и нашей борьбы. В его спектакли вложены талант и горячее сердце художников передового мировоззрения.

Спектакли «Берлинского ансамбля», страстно утверждающие право художника на искания, на заострение и преувеличение — тогда, когда это действительно необходимо, — явлений жизни, на изобретательность и выдумку, — это спектакли крупных социальных и политических тем, острых и содержательных передовых общественных идей. В стремлении к наиболее сильному и художественно впечатляющему выражению этих идей театр отказывается от обилия жизненных подробностей и воссоздает на сцене лишь самое необходимое, то, что способствует яркой передаче внутреннего содержания пьесы, мыслей, волнующих драматурга.

Глубоко современный общественный характер имеет спектакль «Матушка Кураж и ее дети». Перед нами раскрывается горькая и жестокая судьба матушки Кураж — простой женщины, попытавшейся жить за счет войны. Война отняла у нее детей и не дала ей взамен ничего. Мы видим маркитантку Кураж в начале спектакля еще не старой, бодрой женщиной, слышим ее веселую, озорную песню, а расстаемся с беспомощной, одинокой старухой...

Исполнительница роли матушки Кураж Елена Вейгель с глубоким проникновением и большой художественной силой передает драматизм этого образа.

Так же остро и современно звучит и спектакль «Жизнь Галилея», рассказывающий о событиях более чем трехсотлетней давности. Он утверждает победу света и разума, человеческого гения над насилием, невежеством и злом, воспекает идею подвижничества в науке. Напоминающий о гражданском долге ученого и в наши дни, о его моральном и общественном облике, спектакль этот направлен против апологии

научного отступничества и политического предательства.

Образ глубокого философского содержания, духовного богатства, высокого трагедийного звучания с подлинным вдохновением воплощен Эрнстом Бушем, исполнителем роли Галилея. Перед нами человек страстной и могучей мысли, глубочайших и напряженнейших внутренних борений, характер, раскрывающийся в резкой смене взлетов и падений. Как Елена Вейгель, образ матушки Кураж, так и Эрнст Буш показывает образ Галилея в развитии, в движении.

И, наконец, спектакль «Кавказский меловой круг». Воплотившая образ Груше Вахнадзе Ангелика Хурвич также наполняет свою роль глубоким гуманистическим содержанием. В образе Груше, — так как ее играет Ангелика Хурвич, — нет ничего подчеркнуто героического, что как-то бы выделяло Груше. Но зато есть в нем какая-то почти фанатическая одержимость стремлением спасти, спасти во что бы то ни стало еще едва теплящуюся человеческую жизнь. Мы видим Груше идущей сквозь тьму и вьюгу, преодолевающей препятствия и кручи. Мы почти физически ощущаем, что силы ее уже где-то на последней черте. И тем больше, тем сильнее наша гордость этой простой, неприязнательной, внешне совсем некрасивой девушкой, ее высоким моральным подвигом, торжествующей силой человечности.

Мы упомянули лишь о трех актерских образах... Но все, что сказано в этой статье, относится не только к создателям этих образов, не только к покойному Брехту, не только к Елене Вейгель, как к руководительнице театра, к талантливому режиссеру Эриху Энгелю, но и ко всему коллективу «Берлинского ансамбля».

Высокая оценка работы театра советским зрителем — это не простая любезность. Законы дружбы и гостеприимства требуют правды и откровенности. Можно спорить по поводу плодотворности некоторых решений театра. Так, например, вряд ли способствовал глубине и разносторонности характеристик отрицательных персонажей в спектакле «Кавказский меловой круг» использованный в нем принцип кукольности и масок. Антер изображает не человека, а подобие куклы. Но как бы ни был ничтожен и духовно беден человек, он все же всегда неизмеримо богаче и интереснее любой куклы.

Хочется напомнить, что, выдвигая свою эстетику сцены и противопоставляя «театру драматическому», который обращается к чувству, «театр эпический», обращающийся к разуму зрителя, Бертольд Брехт одновременно подчеркивал условность подобного противопоставления, то, что эти его взгляды отнюдь не представляют собой некоего неизблемого свода теоретических положений. Они выдвигались им в процессе его раздумий и творческих исканий.

Театру и его руководству стоит особенно глубоко и пристально задуматься над тем, что в эстетике Брехта, в его творческих заветах живет и сегодня и будет продолжать жить многие годы, а что относится всего-навсего ко дню вчерашнему.

Юр. ЗУБКОВ.